

М.Л. Ремнёва

**Два языка или один язык:
церковнославянский высокой и низкой нормы**

Аннотация: В статье анализируются вопросы формирования и эволюции русского литературного языка в эпоху русского средневековья. Автор делает вывод, что церковнославянский язык (1) и выделенный В.В. Виноградовым народно-литературный тип языка (2) – этот один и тот же церковнославянский язык высокой (1) и низкой (2) нормы.

Ключевые слова: церковнославянский язык, древнерусский язык, высокая и низкая норма, литературный язык русского средневековья, использование глагольных форм

Abstract: The article deals with the process of the shaping and of the evolution of the Russian literary language in ancient Russia. The author concludes that the Church Slavonic language and the folk-literary language as distinguished by V.V. Vinogradov are essentially the same: this is the Church Slavonic language of high or low norm.

Key words: Church Slavonic language, Old Russian language, high or low norm literary language of ancient Russia, usage of verbal forms

Справедливо ли утверждение, что наряду с церковнославянским как литературным языком русского средневековья, существовал еще один, вычлененный В.В. Виноградовым, литературный язык – так называемый *народно-литературный*?

В свое время И.И. Срезневский разработал концепцию, согласно которой основой современного русского литературного языка был русифицированный церковнославянский, возникший в процессе усвоения восточными славянами старославянской письменности, когда «вместо одного языка книжного явилось два: один, древний, оставаясь ненарушимым в своем строе, только несколько оттенялся от первоначального вида под влиянием народного; другой, новый, был смесью старославянского с живым народным»¹. Вслед за Срезневским А.А. Шахматов утверждал, что русский литературный язык – это «перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению своему – древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утра-

¹ Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М., 1959. С. 68.

тивший и утрачивающий свое иноземное обличие»¹. Критическому пересмотру подверг эту концепцию С.П. Обнорский, по мнению которого наш литературный язык имеет исконно русское, восточнославянское происхождение. И хотя Обнорский, опирающийся в своих рассуждениях на анализ критически малого количества памятников, тенденциозно подобранных, пришел к ряду неточных выводов, ценна его теория тем, что он указал на роль восточнославянской языковой стихии в формировании русского литературного языка. В работах ряда ученых (В.М. Истрин, Е.Ф. Карский, М.Н. Сперанский), включивших в сферу своих исследований язык древнерусских памятников, особое внимание было уделено проблеме участия живой восточнославянской речи в формировании структуры русского литературного языка.

Преодолел односторонность выводов, к которым пришли Шахматов и Обнорский, В.В. Виноградов. Выстраивая свою концепцию происхождения русского литературного языка, он предложил новое толкование понятия «литературный язык», основанное на историческом подходе к оценке этого языкового явления. Он отделил собственно литературный язык от «письменного языка», т. е. языка разных видов письменности, включая и бытовую и деловую речь, зафиксированные на письме.

Обратившись к вопросу существования литературного языка в донациональную эпоху, Виноградов, – в противовес взглядам А.В. Исаченко, предложившего отказаться от самого понятия «литературный язык» при изучении языка этого периода, – пришел к выводу, что до формирования нации и национального языка в роли литературного может выступать чужой язык, каким в Древней Руси стал старославянский, испытавший, конечно же, существенное воздействие со стороны языка народного. В результате на Руси возник «книжно-славянский тип древнерусского литературного языка»². В «Очерках по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.» Виноградов назовет этот язык церковнославянским. Наряду с ним он выделит еще один тип древнерусского литературного языка – *народно-литературный*.

Эти проблемы оказываются центральными в целом ряде работ Виноградова. Он неоднократно возвращался к вопросу о функционировании старославянского как литературного в русском средневековье; уточнял и детализировал характеристику выведенных им типов литературного языка, демонстрируя эволюцию своих взглядов.

Опираясь на свои выводы о разнице между собственно литературным и письменным языком, Виноградов вывел за рамки литературного язык деловой письменности, выделив, таким образом, третий тип письменного языка. О трех типах письменного языка он пишет в статье 1956 г. «Вопросы образования русского национального литературного языка». Один тип, восточнославянский в своей основе, – это язык деловой письменности; второй – собственно литературный церковнославянский (русифицированный старославянский), язык культа и церковно-религиозной литературы. Третий тип совмещает в себе элементы живой восточнославянской народно-поэтической речи и славянизмы (стилистически мотивированные, как правило) и функционирует в таких видах литературного творчества, в которых преобладают художественные элементы.

¹ Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. С. 60.

² Виноградов В.В. История русского литературного языка: Избранные труды. М., 1978. С. 86.

Последний, третий тип древнерусского литературного языка имел общенародный характер и формировался на основе древней народно-поэтической речи, восходя к дописьменным традициям. Представлен третий тип в русских летописях, «Слове о полку Игореве», «Молении Даниила Заточника». По мнению Виноградова, он не свободен от влияния «славянизированного» книжно-литературного типа языка, продолжавшего древнерусские киевские традиции в Северо-Восточной Руси.

Эта теория трех типов в докладе Виноградова 1958 г. «Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка» трансформируется в теорию двух типов древнерусского литературного языка: книжно-славянского и народно-литературного, которым тесно в рамках одной языковой структуры, поскольку с генетической точки зрения это два разных языка.

Говорить о двух литературных языках – церковнославянском (старославянском языке древнерусской редакции) и литературно обработанном народном восточнославянском языке, по мнению Виноградова, нелогично: близко родственные, они различны в грамматическом и структурно-семантическом отношении. Нельзя охарактеризовать их и как разные стили одного и того же языка: в рамки одной языковой структуры их уместить нельзя; применяются они в разных сферах культуры и по-разному функционируют. Тогда в концепции Виноградова возникает понятие таких типов литературного языка, которые постоянно взаимодействуют друг с другом, находятся в состоянии динамической координации, но при этом не являются стилями одного языка.

Возникшая проблема *язык / тип* потребовала выработки ясных представлений о том, что собой представляет эта их взаимозависимость и взаимодействие, по каким параметрам они противопоставлены; каким содержанием наполняется понятие стиля применительно к литературному языку эпохи древней русской народности; как контактируют типы письменного языка, встречаясь в разных жанрах древнерусской литературы.

В статье «Основные вопросы и задачи изучения русского языка до XVIII в.» (1969) Виноградов пишет о двух основных видах или стилях древнерусского письменно-литературного языка – церковнославянском и письменно-деловом, указывая при этом на формирование и развитие особого варианта церковнославянского литературного языка.

Язык письменно-делового типа, по Виноградову, – это, с одной стороны, язык грамот, делопроизводства, законодательства и судопроизводства; с другой стороны, это язык публицистики, посольских донесений, хождений и т. п. С XV в. претерпевают изменения разные формы приказно-деловой речи, которая постепенно превращается, подвергаясь литературно-языковой обработке, в один из важных и активных стилей литературного языка. Завершает свою статью Виноградов выводом о существовании, развитии и взаимодействии двух видов древнерусского литературного языка: книжно-славянского и народного «олитературенного», обработанного.

Во всех работах ученый указывает на факт существования двух видов (типов) литературного языка: книжно-славянского (старославянского по происхождению, церковнославянского восточнославянской редакции) и народного «олитературенного», в котором отмечаются стилистические различия между способами повествовательного изложения событий и фактов в летописи, между принципами фольклорно-художественного изображения («Слове о полку Игореве», «Девгени-

евом деянии» и др.) – и литературно обработанными формами письменно-деловой речи (сочинения Владимира Мономаха, путешествия и др.).

Вопросы о том, что собой представлял литературный язык в Древней Руси, как он соотносился с языком народным; какое место занимал язык деловой письменности в системе письменной культуры Руси; допустимо ли говорить о стилистической дифференцированности, поливалентности, нормированности древнерусского литературного языка; был ли церковнославянский литературным языком Древней Руси, по-прежнему актуальны. И при решении этих вопросов особое внимание следует уделить, как нам представляется, народно-литературному типу литературного языка, его структурным и функциональным характеристикам, корпусу текстов, в которых этот язык представлен.

Мы исходим из того, что в XI–XVII вв. в роли русского литературного языка выступал церковнославянский язык восточнославянской редакции. Изучение литературных памятников разных жанров убеждает в том, что церковнославянский язык использовался не только в канонической и богослужебно-литургической письменности, но и в светской тоже. С самого начала сфера применения языка была значительно шире, чем обслуживание культовых нужд.

Старославянский язык (который, кстати, никогда не обслуживал даже потребности культа на Руси), как и язык восточнославянский – древнерусский, литературным языком в русском средневековье не был, что подтверждено анализом грамматического материала.

Церковнославянский и древнерусский языки противопоставлены структурно и по ряду параметров: древнерусский язык уже в самый ранний период не имел сложной системы прошедших времен. Во всех контекстах со значением *действие (состояние) в прошлом* использовалась форма на –л–, тогда как в церковнославянском языке до наших дней сохранилась сложная система прошедших времен с хорошо сбалансированным употреблением каждого элемента системы. Древнерусский язык, о чем свидетельствуют самые ранние грамоты, не знает формы двойственного числа; в церковнославянском (до XVII в.) это признак грамматической нормы произведений высокой книжности.

При синтаксическом оформлении временных, условных, целевых, императивных и других грамматических отношений в книжно-славянском языке используются старославянские (церковнославянские) грамматические средства: дательный самостоятельный и союз *егда*; конструкция «*аще... (да) + презентная форма / сослагательное наклонение / императив*»; «*да + презентная форма*».

В древнерусском языке для оформления тех же грамматических отношений применяются восточнославянские средства: союзы *коли, как, когда* и *под.*; восточнославянские условные союзы *аще, оже* и др., а также конструкции без особых условных союзов типа «*а который (кто, что и др.)*». Церковнославянской конструкции «*да + презентная форма*» соответствовала восточнославянская «*ат / от + презентная форма*».

Следовательно, в текстах, которые были написаны церковнославянским языком, и в текстах на древнерусском использовались разные грамматические нормы, характер которых был обусловлен структурно-системными особенностями церковнославянского (южнославянского по происхождению) и древнерусского (восточнославянского). Типы (или инварианты) грамматической нормы реализовывались, с одной стороны, в языке учительно-богослужебных памятников, житиях, ораторской прозе; с другой – в памятниках восточнославянской деловой и

юридической литературы, от самых ранних грамот разных регионов до Судебников конца XV–XVI вв. и Уложения 1649 г.

Эти памятники написаны на разных языках: церковнославянском и древнерусском, и структурные различия двух языков не позволяют говорить об их стилистической противопоставленности.

В своих выводах мы опираемся на идею несовпадения истории живого русского языка представителей восточнославянской, а затем великорусской народности (это предмет исторической грамматики русского языка) и истории книжно-литературного языка. Как нам представляется, литературный язык донационального периода – это противопоставленный повседневной речи и языку деловой письменности, обработанный с точки зрения нормы, стилистически дифференцированный, кодифицированный, обсуживающий потребности культа и культуры язык. На Руси в XI–XVII вв. в качестве литературного функционировал церковнославянский язык восточнославянской (древнерусской, русской) редакции.

Древнерусский и церковнославянский языки родственны, коррелируют по набору элементов, по характеру грамматической системы, но они не совпадают по морфологическим и синтаксическим характеристикам. Объективно существуют грамматические системы двух древних славянских языков: южнославянского, представленного старославянскими памятниками, – и восточнославянского, на раннем этапе зафиксированного в памятниках восточнославянской деловой письменности.

Если провести анализ особенностей грамматической нормы памятников типа летописи, «Слова о полку Игореве», «Моления Даниила Заточника», выяснится, что нет оснований говорить, что написаны они на олитературенном народном языке: грамматической норме этих памятников свойственны и система прошедших времен, и формы двойственного числа, и церковнославянские средства оформления синтаксических конструкций. То же самое можно сказать и по поводу хождений, посланий, повестей, публицистических, апокрифических сочинений и под. В языке этих произведений реализуется грамматическая норма церковнославянского языка в определенном (иногда стилистическом) варианте. Характеризуется эта норма тем, что наряду со старой церковнославянской системой форм прошедшего времени в грамматической системе этих памятников широко применяется форма на –л–, которая появляется в аористных, имперфектных, перфектных и плюсквамперфектных контекстах; в условных конструкциях вместе с церковнославянскими средствами распространены союзы восточнославянского происхождения, а также часто встречается конструкция без условных союзов типа «а который...». При оформлении временных, императивных, целевых грамматических отношений наряду с церковнославянскими применяются восточнославянские средства. Вместе с церковнославянизмами они формируют комплекс вариантных средств для выражения определенных грамматических отношений.

Важно определить место деловой письменности в системе книжности на Руси, учитывая тот факт, что письменный деловой язык нормирован и его норма ориентирована, в отличие от норм книжно-славянского языка, на живую восточнославянскую речь. В то же время язык деловой письменности и язык восточнославянской (позже великорусской) народности далеко не одно и то же, и прежде всего потому, что язык деловой письменности организован определенным образом, имеет свои традиции, тексты на этом языке содержат устойчивые формулы, он взаимодействует с книжным языком. С начала XVI в. шел процесс кодификации

текстов грамот, актов, а общность их композиции и лексического наполнения на разных территориях свидетельствует о появлении образцовых текстов, а значит, и о необходимости специального обучения писцов.

Носители древнерусского языка пользовались в качестве литературного церковнославянским языком. И сложилось устойчивое мнение, – хотя материала для изучения живого восточнославянского языка раннего периода мало, – что простые претериты были свойственны не только церковнославянскому, но и живому древнерусскому языку. Однако в процессе изучения все большего количества памятников деловой и бытовой письменности выяснилось, что формы простых прошедших времен в них отсутствуют, несмотря на контексты, предполагающие, казалось бы, использование аориста и имперфекта.

Исследователи временных форм живого древнерусского языка выдвинули предположение, что в самый ранний период существования древнерусского народно-разговорного языка в нем было противопоставление *аорист – имперфект* и функционировала группа перфектных времен. Но предположительно с XI–XII в. формы имперфекта и аориста исчезают из живого языка, затем происходит изменение как формы перфекта, так и ее семантики. Этот вывод был сделан на основе данных об отсутствии имперфекта и о редком использовании аориста в памятниках деловой и бытовой древнерусской письменности XII–XIV вв., притом что в книжно-славянских (ранних и поздних) памятниках эти формы были широко распространены.

Для того чтобы предположить существование противопоставления *аорист – имперфект* в живом языке до XII в., необходимо иметь в своем распоряжении памятники деловой и бытовой письменности XI–XII вв., в которых эти формы употреблялись бы регулярно, и памятники книжно-славянской письменности, в которых не только использовалась бы сложная система времен, но были свидетельства того, что писцы и создатели оригинальных сочинений отчетливо осознавали семантическую нагрузку каждой из форм, распределение их по контекстам с определенной семантикой, не допускающей замены одной формы другой.

Введение же в научный оборот, новгородских берестяных грамот, например, показывает, что использование в них аориста – редкий случай, а формы имперфекта отсутствуют. С учетом этого состав временных форм древнерусского живого языка можно восстановить следующим образом: презентная форма СВ / НСВ, перфект, форма на –л–, плюсквамперфект, сложное будущее время.

Таким образом, есть основания говорить не о разных типах древнерусского литературного языка, а о церковнославянском языке разной степени строгости и о существовании двух вариантов грамматической нормы церковнославянского языка: *строгой* и *сниженной*.

Строгая норма применялась в богослужебной литературе, житиях, ораторской прозе; сниженная – в летописях, «Слове о полку Игореве» и под. Набор вариантных средств для выражения определенных синтаксических отношений в строгой норме формируется путем использования внутрисистемных средств церковнославянского языка. В сниженной норме набор средств складывается из разносистемных элементов: в качестве вариантов могут выступать и церковнославянские, и восточнославянские элементы грамматического оформления значений. К тому же в памятниках, где реализуются строгая и сниженная нормы церковнославянского языка, набор средств может быть идентичным, выстраиваться по церковнославянскому варианту. Для выражения целевых значений в памятниках

высокой книжности и в летописях, например, могут использоваться одинаковые средства: конструкция «да + презентная форма», инфинитив, супин. Но удельный вес, распределение в тексте памятников вариантов церковнославянской грамматической нормы различны: в языке памятников высокой книжности преобладает конструкция «да + презентная форма»; в летописях чаще используются нейтральные средства оформления целевых отношений – супин и инфинитив, известные и южнославянским, и восточнославянским языкам.

Можно сделать вывод, что книжно-славянский тип языка – это церковнославянский язык русского извода, язык памятников высокой книжности: богослужебной литературы, житий, произведений ораторской прозы. Выделенный В.В. Виноградовым народно-литературный тип языка – это тот же церковнославянский язык, но постоянно взаимодействующий с языком древнерусской народности.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1938. 448 с.

Виноградов В.В. История русского литературного языка: Избранные труды. М., 1978. 319 с.

Обнорский С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946. 199 с.

Ремнёва М.Л. Древнерусский и церковнославянский // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 2013. № 6. С. 7–16.

Ремнёва М.Л. Синтаксическая норма русских агиографических сочинений позднего периода (XVI–XVII вв.) // Structures & Functions: Studies in Russian Linguistics. Структуры и функции: исследования по русистике. 2015. Т. 2. № 1. С. 57–70.

Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М., 1959. 135 с.

Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. 288 с.

REFERENCES

Obnorsky S.P. (1946) Essays on the History of Russian Literary Language of the Older Period. Moscow; Leningrad. 199 p.

Remneva M.L. Old Russian Language и Church Slavonic Language. *Moscow State University Bulletin. Series 9, Philology.* 2013. No 6, pp. 7–16.

Remneva M.L. Syntactic Norm of Russian Hagiographic Works of the Late Period (16–17th centuries). *Structures & Functions: Studies in Russian Linguistics.* 2015. Vol. 2. No 1, pp. 57–70.

Shakhmatov A.A. (1941) Essay of the Modern Russian Literary Language. Moscow. 288 p.

Sreznevsky I.I. (1959) Thoughts about the History of the Russian Language. 135 p.

Vinogradov V.V. (1938) Essays on the History of Russian Literary Language of the 17–19th centuries. Moscow. 448 p.

Vinogradov V.V. (1978) The History of Russian Literary Language: Selected Works. Moscow. 319 p.

Сведения об авторе:
Марина Леонтьевна Ремнёва,
докт. филол. наук

профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Marina L. Remneva,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University